

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
НАМАНГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

“Допущено к защите”
декан факультета филологии
_____ к.ф.н. К. Абдуллаев
« ___ » _____ 2018 г.

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ
РАБОТА**

на тему: ДИАЛЕКТИЗМЫ В ДИСКУРСЕ М.ШОЛОХОВА
выпускницы образовательного направления 5111300 – Родной язык и
литература (русский язык и литература в иноязычных группах)
Турсуновой Сабохон

«Рекомендовано к защите»
Заведующий кафедрой русского
языка и литературы
_____ к.ф.н., доц. М. Саидова
« ___ » _____ 2018 г.

Руководитель ВКР: к.п.н.,
доц. А. Абдурахманов

Наманган – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ДИАЛЕКТИЗМЫ И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ	7
1.1 Диалектизмы и их виды	7
1.2. Структурные типы лексических диалектизмов	9
1.3. Диалектное слово в художественной литературе	20
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ДИСКУРСЕ М.ШОРЛОХОВА	28
2.1. Понятие дискурса в современной лингвистике	28
2.2. Функция лексических диалектизмов в «Донских рассказах» М. Шолохова	36
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	45
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	48
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	51

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и практическая значимость. Президент Республики Узбекистан Шавкат Миромонович Мирзиёев в своем выступлении на церемонии вступления в должность отметил следующее: «Мы неуклонно и решительно продолжим государственную молодежную политику. И не только продолжим, но и поднимем ее на еще более высокий уровень в соответствии с требованиями сегодняшнего дня. Мы мобилизуем все силы и возможности нашего государства и общества для того, чтобы наша молодежь обладала самостоятельным мышлением, высоким интеллектуальным и духовным потенциалом, ни в одной сфере не уступала своим сверстникам из других стран, была счастлива и уверена в своем будущем» [1, с. 40]. Это предполагает собой необходимость воспитания у молодежи высокой духовности и культуры, что невозможно без знания мировых языков, в том числе, русского языка.

Одной из актуальных проблем русского языкознания является исследование стилистических функций диалектизмов в художественной речи, в частности, в дискурсе М. Шолохова. Диалектизмами принято называть слова и устойчивые словосочетания, употребляемые в определенной местности. Это слова диалекта (от гр. *dialektos* - разговор, наречие, говор), т.е. разновидности общенародного языка, территориально ограниченной в своем употреблении. Своеобразие диалекта проявляется не только в лексике, но и в фонетике, грамматике, иначе говоря, носит системный характер; под диалектизмами имеются в виду прежде всего лексика, самобытные слова.

Использование диалектизмов в русской художественной литературе имеет свою историю. Поэтика XVIII в. допускала диалектную лексику только в низкие жанры, главным образом в комедии; диалектизмы были отличительной особенностью нелитературной, преимущественно крестьянской речи

персонажей. При этом часто в речи одного героя смешивались диалектные черты различных говоров.

Писатели-сентименталисты, предубежденные против грубого, «мужицкого» языка, ограждали свой слог от диалектной лексики.

Интерес к диалектизмам был вызван стремлением писателей-реалистов правдиво отразить жизнь народа, передать «простонародный» колорит. К диалектным источникам обращались И.А. Крылов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и др. У Тургенева, например, часто встречаются слова из орловского и тульского говоров (большак, гуторить, понева, зелье, волна, лекарка, бучило и др.). Писатели XIX в. использовали диалектизмы, которые отвечали их эстетическим установкам. Это не значит, что в литературный язык допускались лишь какие-то опоэтизированные диалектные слова. Стилистически могло быть оправдано и обращение к сниженной диалектной лексике. Например: *Как нарочно, мужички встречались все обтерханные (Толстой.)* - здесь употреблен диалектизм с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской.

Писатели XX века также используют диалектизмы при описании деревенского быта, пейзажа, при передаче склада речи персонажей. Умело введенные диалектные слова являются благодарным средством речевой экспрессии. Однако при определении эстетической ценности диалектизмов в художественной речи следует учитывать, какие слова выбирает автор. Исходя из требования доступности, понятности текста, обычно отмечают как доказательство мастерства писателя употребление таких диалектизмов, которые не требуют дополнительных разъяснений и понятны в контексте. Поэтому часто писатели условно отражают особенности местного говора, используя несколько характерных диалектных слов. В результате такого подхода нередко диалектизмы, получившие распространение в художественной литературе, становятся «общерусскими», утратив связь с конкретным народным говором. Обращение писателей к диалектизмам этого круга уже не воспринимается

современным читателем как выражение индивидуальной авторской манеры, оно становится своего рода литературным штампом.

Писатели должны выходить за рамки «междиалектной» лексики и стремиться к нестандартному использованию диалектизмов.

Примером творческого решения этой задачи может служить проза М. Шолохова, и в связи с этим актуальность темы данной выпускной квалификационной работы является очевидной.

Практическое значение работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при изучении курса «Современный русский литературный язык (лексикология)» в вузе и в школе, в спецкурсах, посвященных изучению языка М.Шолохова.

Цель работы: Анализ лексических диалектизмов в «Донских рассказах» М. Шолохова.

Конкретные задачи работы:

1. Охарактеризовать структурные типы лексических диалектизмов.
2. Выявить специфику диалектного слова в художественной литературе.
3. Дать определение дискурса как лингвистической категории.
3. Проанализировать стилистические функции лексических диалектизмов в «Донских рассказах» М. Шолохова.

Объектом исследования в работе являются диалектизмы в «Донских рассказах» М. Шолохова.

Структура работы. В структурном отношении работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и одного приложения.

Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются его цель и задачи, а также приводится характеристика структуры работы.

В главе первой дана характеристика структурных типов лексических диалектизмов и определена специфика диалектного слова в художественной литературе.

В главе второй раскрыто значение понятия «дискурс» в современной лингвистике и произведен анализ стилистических функций лексических диалектизмов в дискурсе М. Шолохова (на примере «Донских рассказов»).

В Заключении обобщается представленный в работе теоретический материал и изложены результаты анализа конкретной языковой выборки, которая оформлена на карточках, прилагаемых к работе. В структуру работы включен также список использованной литературы.

ГЛАВА 1. ДИАЛЕКТИЗМЫ И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

1.1 Диалектизмы и их виды

Лексика современного русского языка распадается на две основные группы: лексику общеупотребительную и лексику ограниченного употребления. К общеупотребительной лексике относятся слова, использование которых ничем не ограничено. В неё входят слова из разных областей жизни современного общества: политической, экономической, культурной, бытовой и т. д. В группе лексики ограниченного употребления выделяются, во-первых, слова, присущие тем или иным говорам, диалектам (так называемые диалектизмы); во-вторых, слова специальные – профессионально-терминологические, а также жаргонные (или арготические).

Говор, или диалект, – самая маленькая территориальная разновидность языка, на которой говорят жители одной деревни или нескольких близлежащих деревень. Различают диалект жителей северных областей (косуля – соха, лава – мостик, теплина – костёр) и южных областей (заказ – лес, козюля – земля, площадь – кусты).

Северорусское наречие составляют местные говоры, для которых характерно "оканье"; "Г" взрывное, "Т" твёрдое в окончаниях глаголов 3-го лица ед.ч. и мн.ч. настоящего и будущего времени. Конечно, в каждом из северорусских говоров имеются и другие диалектные особенности, нередко многочисленные и разнообразные.

К южнорусскому наречию относятся местные говоры, для которых характерно "аканье"; "Г" щелевое, "Т" мягкое в окончаниях глаголов 3-го лица. Понятно, что южнорусские говоры, как и говоры северорусские, не являются совершенно одинаковыми, имеют различия между собой. Но по указанным особенностям они, объединяясь в одно южнорусское наречие, заметно противопоставлены всем северорусским говорам.

Диалектные слова называются диалектизмами. Термин “диалектизм” включает в себя не только то, что относится к особенностям словарного состава того или иного диалекта, или говора, но и то, что составляет его фонетическую, словообразовательную или грамматическую особенность. Исходя из этого, выделяют диалектизмы:

- фонетические: вяселый (веселый), дамно (давно), энтот (этот), ламоцки (ляпочки), Хвёдор (Фёдор);

- морфологические: видел своим глазам (видел своими глазами), нисёт (несёт), степя (степи), у мене (у меня), говорил с умным людям (говорил с умными людьми);

- лексические. Лексические диалектизмы неоднородны, в них могут быть выделены следующие группы: собственно лексические, лексико-семантические, этнографические и фразеологические. Собственно лексическими диалектизмами называются слова, которые совпадают с общелитературными по значению, но отличаются своим звуковым комплексом. Они называют те же понятия, что и тождественные им слова литературного языка, т. е. являются своего рода синонимами. Например: голицы, шубенки (сев.) – варежки; вёкша (сев.) – белка; стёжка (южн.) – дорожка; грёбовать (южн.) – брезгать, пренебрегать. Лексико-семантическими диалектизмами называются слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающиеся от них своим значением. Подобные диалектизмы являются омонимами по отношению к словам литературным. Например: бодрый (южн., рязанск.) – нарядный, красиво убранный и бодрый (лит.) – полный сил, здоровый, энергичный; пыж (волжск.) – нос судна, самый перед его; пыж (сев.-вост.) – конопляная мякина и пыж (лит.) – пучок пеньки, ткани, бумаги для забивки заряда. Этнографические диалектизмы – слова, называющие предметы и явления, свойственные быту населения лишь данной местности и неизвестные в других областях или чем-то специфическим отличающиеся от них. Например: курлук (вост.) – вид дикой гречи в Сибири; дулейка (сев.) – ватная

кофта. Фразеологические диалектизмы – устойчивые словосочетания, известные в данном значении лишь в какой-то местности. Например: в скуку упасть – заскучать; как в соль сел – зачах; без смерти смерть – что-то трудное, тяжелое и др.

Длительное время местные говоры обогащали русский литературный язык. Они были теми ручейками и родниками, которые питали полноводную реку общерусского языка. Так, из диалектов в литературный язык пришли некоторые названия, связанные с циклом сельскохозяйственных работ, с наименованием народной одежды, названия рода занятий в разных промыслах. Например: высев, боронить, борозда, клубень, стог, копна, доярка, дояр, конопатить, омуль, беспечный, ворковать, дряблый, жерлица, жуткий, зазноба, земляника, корявый, лебезить, мямить, мохнатый, назойливый, осторожный, пасмурный, подоплёка, смекалка, ухаб и многие другие.

1.2. Структурные типы лексических диалектизмов

Русский национальный язык – это вся совокупность языковых средств русского народа, в которую наряду с литературным (нормированным) языком, как высшим достижением речевой культуры нации, а также просторечием и социальными жаргонами входят местные говоры и наречия. Диалектология, как лингвистическая дисциплина, занимается изучением какого-либо языка. При анализе диалектов в их территориальном варьировании все языковые черты – фонетические, грамматические, словообразовательные, лексические – рассматриваются диалектологией в системе, что, безусловно, помогает объективно оценить значение и место диалектов в общенациональном языке.

Диалект представляет собой разговорный вариант данного языка, используемый ограниченным числом людей, связанных общностью территории в постоянном живом общении друг с другом. Территориальный диалект представляет собой часть целого другого диалекта данного языка, поэтому он

всегда противопоставлен другому диалекту (или другим диалектам), а также языку литературному. Ошибочным является представление о диалекте как об «испорченном» литературном языке, как о результате искажения его безграмотными крестьянами. Диалекты древнее, чем литературный язык. Они часто сохраняют в себе реликты общенародного языка, а также содержат специфические и самобытные черты, возникшие в силу различных культурно-исторических причин и воздействий.

При изучении диалектов русского языка источниками являются: 1) непосредственные записи живой разговорной речи носителей говора, сельских жителей той или иной местности; 2) древние письменные памятники, связанные своим происхождением с той или иной территорией; 3) топонимика, т.е. географические названия, распространенные на той или иной территории.

Задачей русской диалектологии является описание диалектического членения СРЯ, выявление всех форм, конструкций, особенностей происхождения и словоупотребления, которыми современные диалекты отличаются друг от друга и литературного языка, установление относительной их ценности в развитии русского языка – в связи с изменяющимися условиями людей, которые искони пользовались этими диалектами. При решении этой задачи диалектология оперирует следующими основными терминами и понятиями: *говор, группа говоров, наречие.*

Говор представляет собой мельчайшую единицу диалектного членения языка. Он реализуется в речи жителей одного населенного пункта, реже – нескольких. Несколько говоров, характеризуемых близостью и общностью языковых черт составляет *группу говоров, или диалектную группу. Наречием* же того или иного языка, состоящим в свою очередь из нескольких групп говоров, называют основные, исторически сложившиеся разновидности языка. Иначе – это совокупности диалектных групп, объединенных общими признаками и в то же время выступающих как части данного языка. Термин «диа-

лект» носит нерасчлененный характер и может использоваться как для обозначения отдельного говора, так и для их группы и целого наречия.

Не менее значимым для диалектологии является термин «диалектное различие», под которым понимается такое явление языка, которое в отдельных говорах выступает в различных вариантах. Выделяются два типа диалектных различий: противопоставленные и непротивопоставленные. Непротивопоставленные – это явления, существующие лишь в одном говоре или группе говоров, например, слово «панёва» - род женской юбки – в некоторых южновеликорусских говорах и отсутствует во всех других говорах и литературном языке. Противопоставленные же различия представляют собой такие явления, которым в других говорах или литературном языке соответствуют какие-либо иные аналогичные явления, как, например, оканье в северновеликорусских говорах при аканье в южновеликорусских и в большинстве средневеликорусских говоров.

Литературный язык может быть противопоставлен диалектам по следующим основным признакам: а) по закреплённости в письменности; б) по подчинённости специально разработанным и кодифицированным нормам; в) по охвату территории; г) по сферам и функциям общественного использования; д) по отношению к монологической и диалогической формам языкового выражения. Литературный язык всегда закреплён на письме, что служит наиболее характерным его проявлением. Письменная закреплённость сообщает всем аспектам литературного языка большую устойчивость по сравнению с диалектами. Говоры же, как правило, лишены письменной фиксации, а потому они подвижнее и изменчивее, чем литературный язык.

Кроме того, литературный язык всегда подчиняется строгим правилам, будучи осознан учеными во всех своих деталях. Наиболее зримо эта подчинённость проявляется в письменности, регулируемой правилами орфографии и пунктуации. Устная литературная речь тоже нормирована сводами правил орфоэпии. Диалекты же лишены осознанных и специально разработанных

норм. Все стороны диалектной речи развиваются стихийно, не будучи стеснены строго кодифицированными правилами, что делает их более динамичными в развитии и уязвимыми для влияний. Разумеется, и говоры не лишены некоторой подчиненности общепринятым в данном языковом коллективе нормам, но эти последние никак и нигде не зафиксированы и существуют как неписанный давний обычай.

Литературный язык служит средством общения для всех членов общества независимо от территориальной отнесенности или от социальной принадлежности. Диалекты же различны и разнохарактерны, обслуживая потребности в общении лишь жителей конкретной местности.

Литературный язык и диалекты противопоставлены и по сферам и функциям их общественного применения. Литературный язык обслуживает все общество во всех сферах производства, науки, культуры и общественной жизни. Именно поэтому литературный язык выделяет в своей системе отдельные функциональные стили. Диалекты же используются исключительно в сфере бытового общения и поэтому являются относительно однородными в стилистическом отношении.

Наконец, очевидно, что литературному языку свойственны наряду с диалогом монологические формы языкового выражения. Последние совершенно не свойственны диалектам. Более или менее развернутая речь одного лица (например, рассказ о каком-либо событии), т.е. монолог, редко сохраняет повествовательную форму: он обычно драматизируется или диалогизируется (чаще всего в форме прямой, а не косвенной речи).

Современный русский язык сложился в XV-XVII вв. на основе слияния двух восточнославянских наречий: севернорусского и южнорусского. Между ними возникли, постепенно расширяя границы, переходные среднерусские говоры, которые не механически сочетали особенности севернорусского и южнорусского наречий, но образовали особую, очень важную для последующих изменений русского языка систему. На основе среднерусских гово-

ров некогда возник и СРЛЯ. Однако они, будучи смешанными, сами особого наречия не составляют.

Основной словарный состав русского языка является в целом единым для всего общенационального языка, в том числе и литературного, поэтому диалектные разграничения русской лексики носят частный характер.

Словарный запас говоров можно разделить на две неравные части. Большая часть – это лексика, общая с литературным языком: *рука, голова, ходить, белый, тепло, ты* и т.п. Меньшую часть составляет лексика собственно диалектная, неизвестная литературному языку. Здесь могут встретиться слова, свойственные только данному говору, данной группе говоров: *гамзуля (неряха – пск.), любавина (нежирное мясо – ряз.), зубища (десны – брянск.), манить (ждать – арх.),* а также слова, широко распространенные во всех говорах ювр. или свр. наречий и даже выходящие за пределы одного наречия: *ведро (ясная погода), губы (грибы), пахать (подметать пол), шуметь (звать на помощь, кричать), зыбка (колыбель) ит.п.*

Промежуточную группу между этими основными частями лексики диалектов составляют слова, имеющие в словарях СРЛЯ помету «просторечное» (реже «разговорное»): *брюхо, девка, дрехать, бедовый* и др. В литературном языке употребление этих слов ограничено, они допускаются лишь в качестве ненормативных эмоциональных окрашенных синонимов, несущих определенную стилистическую нагрузку. В диалектах подобные слова общепотребительны и, как правило, нейтральны в стилистическом отношении.

Исследователи-диалектологи изучают главным образом специфическую часть словарного состава говоров, изменение и развитие слов, входящих в нее. Для того чтобы правильно определить предмет исследования, необходимо знать, что такое диалектное слово, каковы его характерные особенности.

Основным признаком диалектного слова является его употребление на ограниченной территории, иначе говоря, «наличие у слова изоглоссы в пре-

делах территории, которую занимает язык». Поэтому неверно относить к диалектизмам слова, обозначающие специфические явления старой крестьянской жизни (этнографизмы) или местной природы: *сени, клеть, полати, буерак, зипун, лапти, коврига* и т.п.; специальные термины общерусского распространения: *стан, челнок, уток, бердо* – термины ткацкого дела; разговорно-просторечную лексику, а также искаженные варианты иностранных слов, вошедших в речь носителей говоров: *ахтобус, гроном, деколон, фершал, полуклиника* и т.п. Все эти слова не ограничены локально в своем употреблении, и связаны с определенными группами говоров. По определению Ф.П. Филина, «диалектным словом является слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)».

В специфической лексике говоров можно наметить следующие структурные виды лексических различий: собственно-лексические, лексико-словообразовательные, фонематические, семантические.

1. Собственно-лексические диалектизмы. Местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или производные от корней, представленных в литературном языке, имеющие в говорах свои особые значения: *векша (белка – пск.), лони (в прошлом году – арх.), рогозиться (озорничать – пск.), сапетка (корзина – донск.), обольрицик (обманицик – пск.), конаться (просить – печ.), лопотина (одежды – томск.), месильница (квашня – пск.), горбуша (род косы – арх.).*

2. Лексико-словообразовательные диалектизмы. Слова, отличающиеся от соответствующих им эквивалентов литературного языка своим морфологическим составом; слова с теми же корнями и имеющие те же лексические значения, что и в литературном языке, но с другими аффиксами: *одиново (однажды – арх.), болько (больно – волог.), вызрыдью (навзрыд – пск.), перестан (остановка, перерыв – пск.), глупарь (глупец – пск.), петун (петух – смол.), плакида (плакса, нытик – пск.), остареть (состариться –*

арх.), *вырваться* (*разорваться* – *арх.*), *дерун* (*драчун* – *пск.*), *вдвои*, *вдвух*, *вдвоих* (*вдвоем* – *пск.*).

3. Фонематические диалектизмы. Слова, совпадающие по значению с соответствующими словами литературного языка и отличающиеся от них одной фонемой, причем эти фонематические различия не связаны с существующими в современных говорах фонетическими и морфологическими закономерностями; в этих словах произошла лексикализация какого-либо фонетического явления: *аржаной* (*ржаной*), *вышня* (*вишня*), *пахмурный* (*пасмурный*), *комарь* (*комар*), *андюк* (*индюк*) и др.

4. Семантические диалектизмы. Слова, которые имеют одинаковый морфемный состав с соответствующими словами литературного языка, но отличаются от них своими значениями. По-другому, здесь имеет место явление омонимии: *пахать* (*т.е. мести пол*): *Не пахано ешию, порядоцьку нет.* – *арх.*; *залиться* (*утонуть*): *Вясной мой брат в озири залился.* – *пск.*; *огромный* (*в зн. умелый, знающий*): *Ён огромный рыбак был.* – *пск.*; *прозрачный* (*образованный, просвещенный*): *Каторьы прозрачныи люди, фсе понимают в газеты.* – *пск.*; *вздых* (*в зн. легкое*): *Фси вздохи адбиты.* – *пск.*; *родной* (*крупный, большой*): *Дош патол... родной дош-та, родной да страсти.* – *ряз.*

Лексика диалектов богата словами, отражающими своеобразие природных условий, особенности хозяйственной жизни и быта населения. Лексика говоров в этой области детализирована, особенно в той части, которая относится к ведущей отрасли хозяйства.

Так, многообразны наименования различных земельных участков и угодий: *пахотина* (*пахотная земля*) – *перм.*, *пожня* (*луг, сенокосное угодье*) – *арх.*, *пареница* (*земля под паром*) – *яроsl.*, *жнитвина* (*сжатое поле*) – *перм.*, *кошенина* (*место для сенокоса*) – *арх.*; частей поля, в зависимости от характера их обработки: *гон*, *переезд* (*перм.*) – часть поля, захватываемая, пахарем от поворота до поворота; *лан* (*воронежск.*) – большая полоса пахотной земли; *постать* (*пск.*) – полоса поля, которую захватывает жнец, проходя с серпом;

прокос (пск.), *прокосиво* (перм.), *покосиво* (яросл.) – прокошенная полоса в ширину взмаха косы; *взмет* (пск.) – земля, вспаханная один раз. В этой семантической группе лексики мы находим архаизмы, связанные с подсечным земледелием на Руси: *гарь, паленина, пальники, выгорки* (перм.) – место, где лес выгорел или выжжен человеком; *чищенина, расчисть* (перм.), *расчистки, растреб* (пск.) – расчищенный и раскорчеванный участок. Многие из этих слов в современных говорах выпали из активного словарного запаса и сохранились только в топонимике (ср. *дор, тереб* (пск.)) или изменили свою семантику (*ляда, ляди* – первоначально: «участок в лесу, годный для обработки под поле», в совр. говорах – еще и «участок леса»(волог.), «высокое сухое место в лесу» (волог.), «поляна в лесу»(моск.) и др.)

Дифференцированы в говорах названия частей старых сельскохозяйственных орудий: *россоха* (арх.), *кокоря* (пск.) – основная деревянная часть сохи; *сошники* (арх.), *ральники* (перм.), *лемеш* (пск.) – металлические наконечники на развилинах сохи; *обжи* (арх.), *рогачи* (яросл.) – оглобли сохи; *держалка* (моск.), *кадця* (пск.) – рукоять цепа и т.п.

Хозяйственные функции домашних животных разных возрастов определим детализацию возрастных наименований лошади: *сеголеток, селеток* (арх.), *сосун* (яросл.) – «до года»; *лоншак* (арх.), *стригун* (яросл.), *молодняшка* (пск.) – «от года до двух лет»; *третьяк* (вор.), *боронка* (пск.), *учка* (яросл.) – «от двух до трех лет»; коровы: *молошник, поводчик* (яросл.) – «теленочек до года»; *полуденник* (яросл.), *подтелок* (дон.), *летошник* (пск.) – «от года до двух лет»; *мякинник, колосовик* (яросл.) – «от двух до трех лет». Детализованы названия животных и птиц по их использованию в хозяйстве: *кнороз* (смол.), *пороз* (пск.), *хряк* (ворон.) – «самец свиньи»; *боров* (пск.) – «холощенный кабан»; *парунья* (яросл.), *сидуха* (пск.), *курушка* (калужск.) – «наседка»; *цыпотауха, цыплятница* (яросл.) – «курица, которая водит цыплят»; *сильки, писклята* (ворон.) – «цыплята».

Лесные и водные богатства России способствовали широкому развитию охоты и рыболовства. Отсюда различные названия рыболовных и охотничьих угодий, снастей и приспособлений: *запас* (пск.), *порядня* (арх.) – «общее название набора снастей»; *мерёжа* (печ.) – «рыболовная сеть на обручах»; *бродни*, *бредень*, *верша*, *нарот* – «конусообразная ловушка для рыбы»; *сикуша* – «блесна»; *путик* (арх.) – «лесная охотничья тропа»; *пасть* (печ.) – «капкан на пушного зверя».

Различия в названиях жилых и хозяйственных построек по говорам часто связаны с этнографическим различием реалий. На севере, где характерным типом постройки является дом – двор, т.е. и жилое помещение, и хозяйственные постройки находятся под общей крышей, разнообразные названия частей этого комплекса: *мост* – «крыльцо»; *изба* – «комната в доме»; *подволока* – «чердак»; *вышка* – «жилое помещение на чердаке»; *кут* – «часть избы за печью»; *поветь* – «сеновал над хлевом». На юге помещение для скота строится отдельно: *закута*, *котух*. Особые названия имеют помещения сушки снопов: *рей* (пск.), разные виды изгородей: *огорода* (арх.), *изгорода* (пск.), *заплет*, *косотын* (пск.).

Эта семантическая группа включает названия домашней утвари, посуды: *дежа*(ворон.) – «квашня»; *корец*(арх.) – «ковш»; *сельница*(арх.), *ночевка*(смол.) – «деревянное корытце для муки»; *махотка*(ряз.) – «сосуд для молока»; *рогач*(курск.) – «ухват»; *вязенки*(калуж.), *исподки*(арх.), *дянки*(пск.) – «вязаные рукавицы», а также другую лексику бытового характера: *питуха*(арх.) – «пирушка», *влазины*(пск.) – «новоселье» и т.п.

Детализация наименований связана с особенностями местного ландшафта. На Севере и Северо-Западе обилие лесов, болот и водоемов отражается в лексике: *рада*, *сахта*, *калтус* (арх.), *багно* (пск.) – «разновидности болот»; *лыва* (волог.) – «большая лужа, озеро»; *суземье* – «густой лес»; *ворга* (печ.) – «тропинка в тундре». Население, живущее у крупных водоемов, различает разновидности льда: *чка*, *икра* (вл.-пов.), *станица* (арх.) – «большие

льдины»; *мятёж, мятик* (печ.) – «мелкий лед»; *заберега* (арх.) – «первый лед». Богата названиями местная флора и фауна: *беган, бобовняг* (пск.), *пьянишник, дурнишник* (ряз.) – «багульник»; *долбилко* (печ.), *долбик* (сев – уральск.) – дятел.

Кроме лексики, называющей предметы, реалии, в диалектах много так называемой непредметной лексики: глаголы, прилагательные, наречия, служебные слова. Непредметная лексика говоров изучена в меньшей степени, однако, чтобы убедиться в ее многообразии, рассмотрим некоторые ее тематические группы:

Глаголы говорения – эта группа широко представлена во всех русских говорах. Диалектные глаголы могут называть процесс говорения как таковой: *баять* (арх.), *гомонить, шуметь, балакать* (пск.); характеризовать темы речи: *таранить* – «говорить быстро»; *лопотать* – «говорить, не умолкая»; *пукчить* – «говорить себе под нос»; *мырнуть* – «сказать сердито»; *гундавить* – «говорить в нос» (все пск.); отражать содержание речи, ее направленность: *сукать, коновать* – «сплетничать».

Глаголы передвижения также многообразны в говорах. Ограничимся примерами из псковских говоров: *блудить, блыкаться, лукаться* – «ходить, бродить»; *мерляться, шалычаться* – «праздно шататься»; *барлять, тыпать* – «ходить медленно»; *базылять, зыкать* – «бегать, спасаясь от оводов (о скоте)»; *гуртовать* – «ходить вокруг»; *крепаться* – «взбираться» и т.д.

Большинству свр. говоров известна группа **наречий с общим значением прошедшего времени**: *летось, зимусь, веснусь, утрось, ночесь*, а также наречия *сейгод, сегодня* (в этом году). В тех же говорах с указанием на неопределенное время действия в прошлом употребляются наречия *оногды, оногдысь, ономедни* – недавно.

Прилагательные, относящиеся к характеристике человека, многочисленны в говорах. Эти слова дают представление о внешности человека, его душевных качествах, чертах характера и т.п. Например, в псковских го-

ворах: *щанный* – «красивый»; *каляный* – «здоровый, крепкий»; *дикий, мгля- вый, мозглый* – «худой»; *карзубый* – «беззубый»; *очестливый* – «вежливый»; *натурный* – «упрямый» и т.д.

Таким образом, лексика диалектов – сложный комплекс, в котором проявляются разного рода системные отношения. В ней отражается многообразие семантических связей слов: существует диалектная омонимия, синонимия, лексемы пассивного и активного запаса, полисемия и моносемия, фразеология. Вопросы многозначности/однозначности слов и фразеологии заслуживают отдельного освещения.

Диалектам, как и литературному языку свойственно явление полисемии. Многие отдельные слова обладают большой семантической емкостью, развивают производные, прямые и переносные значения. Например, псковск. *прапасный*: 1) «дырявый, рваный»: *платья прапасная*; «испорченный, неисправный»: *не навязли лес – машина прапасная*; 2) перен. «больной, слабый»: *грудина балит, такая я прапасная, ня нада были басиком хадить*. Глагол *жить* в свр. говорах кроме общерусских значений «существовать», «проживать», «вести какой-либо образ жизни» употребляется в значении «бывать, случаться»: *радуга-то после дожжа жывет; здесь морозы жывут большы*; «находиться»: *в байны бы долго жыл, да голова не позволяет*; «иметься»: *ф тундры морошки жывёт много*; «бодорствовать, не спать»: *фсю ночь жыву, сну нет*.

Производные значения возникают в результате переноса названия с одного предмета на другой на основе сходства признаков (метафора): *баклага* (пск.) – «сосуд для дегтя» и «тучный человек, толстяк»; *балабонить* (пск.) – «бренчать», «звякать» и «болтать, что вздумается»; *полоник* (брянск.) – «разливательная ложка» и «головастик». На основе смежности пространственной и временной: *заберега* (печ.) – «первый лед у берегов» и «полоса воды у берега перед ледоходом»; *выть* (печ.) – «пора еды» и «количество пищи, употребленной за один раз»; на основании переноса названия целого предмета

на одну его часть: *место* (арх.) – «постель» и «тюфяк»; при переносе названия с части на целое: *шульга* (печ.) – «левая рука» и «левша».

Изменение семантики диалектной лексики происходит как под влиянием литературного языка, так и под влиянием соседних диалектов.

1.3. Диалектное слово в художественной литературе

Диалектное слово в литературе может быть средством речевой индивидуализации героев, этнографически достоверного описания быта, пейзажа, способом внесения экспрессивной окраски и лирического начала в текст. Однако у многих писателей народно-разговорная речь становится непосредственным носителем нравственного идеала.

Так было в поэзии «новокрестьянских» поэтов во главе с Н.А. Клюевым и С. Есениным. Клюев («Избяные песни», «Земля и железо», «Мать-Суббота») и другие сторонники этого направления – С.А. Клычков («Потаенный сад», «Домашние песни»), П.И. Карпов, П.В. Орешин («Деревенские песни», «Зарево»), А.В. Ширяевец – поэтизировали традиционный мир крестьянского дома, семьи, живущей в гармонии с природой, труд земледельца, народные обряды, праздники, суеверия. При этом народная речь являлась и является одним из главных элементов традиционной крестьянской культуры. Таким образом, именно она становится символом нравственных ценностей.

Продолжателями традиций Н.Клюева в наше время можно считать известных писателей XX в. – А.И. Солженицына, В.А. Солоухина, Ф.А. Абрамова, В.И. Белова, Б.А. Можяева, Е.И. Носова.

Подобное отношение к народному языку выражено в рассказе А.И. Солженицына «Матренин двор»:

«Меня поразила ее речь. Она не говорила, а напевала умильно, и слова ее были те самые, за которыми потянула меня тоска из Азии:

– Пей, пей с душою желадной. Ты, потай, приезжий?

– А вы откуда? – просветлел я.

И узнал, что не все вокруг торфоразработки, что есть за полотном железной дороги – бугор, а за бугром – деревня, и деревня эта – Тальново, испокон она здесь, еще когда была барыня-«цыганка» и кругом лес лихой стоял. А дальше целый край идет деревень: Часлицы, Овинцы, Спудни, Швертни, Шестимирово – все поглуше, от железной дороги подале, к озерам. Ветром успокоения потянуло на меня от этих названий. Они обещали мне кондовую Россию».

В данном отрывке автор использует не только обычную прямую речь, но и несобственно-прямую речь, чтобы показать элементы синтаксического строя и отдельные слова, присущие говору. Он вплетает их в ткань авторского повествования, создавая единое лирическое полотно.

Понимание народно-разговорной речи как знака праведного начала приводит к тому, что диалектное слово используется писателями в первую очередь в тех случаях, когда они обращаются к вещам, особенно важным для крестьянина, например, концепту *дом*.

Для них деревенский дом, изба – центр мира, воплощение всех жизненных ценностей. Вот как писал об избе Н.А. Клюев в стихотворениях 1914–1916 гг.:

*Изба – колесница, колеса – углы,
Слетят серафимы из облачной мглы,
И Русь избяная – несметный обоз! –
Вспарит на распутье взывающих гроз....*

*Беседная изба – подобие Вселенной:
В ней шолом – небеса, полати – Млечный Путь,
Где кормчему уму, душе многоплачевной,
Под веретенный клир усладно отдохнуть.*

«Земля и железо»

*Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.*

«Избяные песни»

В поэзии С.Есенина крестьянское жилище (*хата/изба*) становится живым существом, очеловечивается:

*О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.*

А порой выступает символом Родины, уходящей Руси:

*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.*

У следующего поколения поэтов, таких, как Н.Рубцов, А.Яшин, А. Прасолов, крестьянский дом тоже выступает символом Родины, покоя и счастья, хранителем нравственных идеалов.

Многочисленны описания крестьянского дома и на страницах прозаических произведений. Вспомним, как описывает крестьянское жилье в повести «Деревянные кони» Ф.А. Абрамов – сам выходец из архангельской деревни:

«Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений было четыре: изба-зимовка, изба-летница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них, были еще сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да поветь саженой семь в длину – на нее, бывало, заезжали на паре, – да внизу, под поветью, двор с разными стайками и хлевами. И вот, когда не было дома хозяев (а днем они всегда на работе), для меня не было большей радо-

сти, чем бродить по этому удивительному дому. Да бродить босиком, не спеша. Вразвалку. Чтобы не только сердцем и разумом, подошвами ног почувствовать прошлые времена».

Показателен и значим в описании выбор языковых средств – мы видим перечень лексических и семантических диалектизмов: *изба-зимовка, изба-летница, вышка, горница, сени, клеть, поветь, двор, стайки*. Диалектные слова в данном случае не объясняются, значения некоторых из них приблизительно понятны из контекста или мотивированы, о значении других можно догадаться, но, на наш взгляд, это не небрежение, а один из художественных приемов: автора не заботит точность понимания, поскольку именно туманность, недосказанность, некая «тайнопись» придает романтический ореол этому удивительному, чудесному обиталищу крестьянского рода. Вообще в произведениях Абрамова часто дается описание дома, в котором, как правило, присутствуют диалектизмы: *полати, задоски, поветь, надворье, девочешник, подклет* и др. Оно всегда несет в себе положительное, умиротворяющее начало (и запах в доме удивительный, и золотом горят стены, и дышится по особому, и на божнице теплится лампадка), причем дом старинный, традиционный противопоставляется новому, современному жилью, бездушному, холодному по отношению к человеку. Таким образом, с любовью обустроенный дом, сам становясь одним из героев произведения, выступает как способ положительной характеристики его хозяина.

Но возможно и другое отношение к основным ценностям крестьянской жизни.

Иначе концепт дома представлен в романе А.Приставкина «Городок». Главный герой произведения, Григорий Афанасьевич Шохов, выходец из деревни, мечтает о собственном доме, а потом и строит его своими руками. Но для него дом – прежде всего постройка, здание, а не обиталище семьи, рода. По наблюдениям известного лингвиста Ю.Н. Караулова, тема дома появляется уже на первых страницах романа, постепенно обрастая в речи Шохова

«ореолом синонимов, метафорических и метонимических обозначений (домик, дворец, крепость, жилье, изба, избышка, хоромина, хата, стены, крыша...)). Это понятие является ключевым для понимания духовных ценностей всех персонажей романа. Для автора стремление героя к собственному дому – знак собственности, индивидуализма, который искажает личность человека, подчиняя себе все другие жизненные приоритеты: мастерство, товарищество, семью. Приставкин использует тему дома для «развенчания» героя, в романе противопоставляется менталитет Шохова (крестьянский в своей основе) менталитету интеллигента: для последнего дом – понятие скорее интеллектуальное, поскольку дом там, где сам человек, его книги, его друзья.

Важную смысловую и композиционную роль играет описание дома в программном рассказе А.И. Солженицына «Матренин двор». Это произведение автобиографично, жизнь и смерть Матрены Васильевны Захаровой воспроизведены достоверно, так, как было в действительности. Подлинное название деревни – Мильцево Курловского района Владимирской области.

«Дом Матрены стоял тут же, неподалеку, с четырьмя оконцами в ряд на холодную некрасную сторону, крытый щепой, на два ската и с украшенным под теремок чердачным окошком. Дом не низкий – восемнадцать венцов. Однако изгнивала щепа, посерели от старости бревна сруба и ворота, когда-то могучие, и проредилась их обвершка... Дворик не был крыт, но в доме многое было под одной связью. За входной дверью внутренние ступеньки поднимались на просторные мосты, высоко осененные крышей. Налево еще ступеньки вели вверх в горницу – отдельный сруб без печи, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба, с чердаком и подпольем. Строено было давно и добротное, на большую семью, а жила теперь одинокая женщина лет шестидесяти».

Говоря о жилье героини, автор употребляет диалектизмы, даже выделяет некоторые из них курсивом. Подробный рассказ о доме является характерологическим для персонажа, прожитой им жизни, таким образом прово-

дится параллель: облик – судьба дома, облик – судьба героя. Оттого само обустройство жилища становится поводом для размышления писателя о крестьянской жизни:

«... русская печь, как я пригляделся, неудобна для стряпни: варка идет скрыто от стряпухи, жар к чугунку подступает с разных сторон неравномерно. Но потому, должно быть, пришла она к нашим предкам из самого каменного века, что, протопленная раз на досветьи, весь день хранит в себе теплыми корм и поило для скота, пищу и воду для человека. И спать тепло».

Приведенные строки свидетельствуют, что обычный ход крестьянской жизни, ее быт, нравы новы для автора, в связи с этим в повествовании неоднократно встречаются слова *заметил, узнал*, поэтому диалектные слова часто даны курсивом. Взгляд Солженицына на деревенское бытие – взгляд со стороны, «снаружи». В этом отличие его от Абрамова и других писателей, чьи корни – в крестьянстве. Абрамов описывает деревню изнутри, будучи сам ее частью.

Солженицын с интересом и вниманием наблюдает за простой жизнью Матрены, до мелочей описывая ее убогий быт с «картовью необлупленной» или с «картонным (так выговаривали все в деревне)» супом на завтрак и «к ужоткому» с четким, раз и навсегда заведенным порядком. «Вообще, приглядываясь к Матрене, я замечал, что, помимо стряпни и хозяйства, на каждый день у нее приходилось и какое-нибудь другое немалое дело; закономерный порядок этих дел она держала в голове и, проснувшись поутру, всегда знала, чем сегодня день ее будет занят».

Действительно, бытие деревни во все времена было более упорядоченным, так как связано с работой на земле, а значит – с цикличностью времен года. Раз и навсегда заведенный порядок, регламент проступает во всех жизненных коллизиях, закрепляясь обычаем, обрядом. В медленном, плавно текущем повествовании через предметы, поступки, а главное – работу проступает характер героини, доброй, отзывчивой, просветленной, готовой всем

помогать. Вероятно, сам того не подозревая, автор рассказывает о народном обычае, широко распространенном в русской деревне, – коллективной помощи в работе: Матрену то и дело зовут пособить – картошку докапывать. Кстати, отметим, в говорах описываемой Солженицыным местности, что хорошо известно диалектологам, этот обычай носит название *пособие*. В тексте часто приводится насыщенная диалектными словами и выражениями речь героини, которая явно умиляет автора: *«Теперича я зуб наложила, Игнатич, знаю, где брать, – говорила она о торфе. – Ну и местечко, любота одна!... Тут как зима закрутит, да дуель в окна, так не столько топишь, сколько выдувает. Летось мы торфу натаскивали сколища! Я ли бы и теперь три машины не натаскала?»*. Автор передает синтаксический строй народно-разговорной речи своей героини, элементами которой окрашено и авторское повествование.

Антиподом Матрены выступает ее «несостоявшийся» муж Фаддей, жадный и жестокий человек. И хотя он тоже уроженец здешних мест, в отличие от главной героини, его речь лишена диалектных черт. Фаддей становится косвенным виновником гибели Матрены, требуя, чтобы Матрена еще при жизни отдала горницу, завещанную своей воспитаннице, его дочери, но для этого нужно было рушить часть дома. «Не жалко было [Матрене] саму горницу... как вообще ни труда, ни добра своего не жалела Матрена никогда... Но жутко ей было начать ломать ту крышу, под которой прожила сорок лет. Даже мне, постояльцу, было больно, что начнут отрывать доски и выворачивать бревна дома. А для Матрены было это – конец ее жизни всей». Так оно и случилось: при перевозке горницы героиня погибает. Нет больше дома – нет и его хозяйки. Разрушение дома разрушает и жизнь человека.

Первоначально А.И. Солженицын озаглавил рассказ афористично: «Не стоит село без праведника». Уже в самом названии давалась характеристика Матрены, и она противопоставлялась большинству односельчан, которым свойственны столь знакомые человеческие слабости и пороки: корысть, се-

бялюбие, хитрость. А.Т. Твардовский (а рассказ был опубликован в «Новом мире») предложил иное название – «Матренин двор». И оно, по сути, более удачно.

Слово *двор* употреблено здесь не в диалектном значении, присущем большинству говоров, в том числе владимирских, – ‘постройка или место для скота при доме’, а в литературном – ‘крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками, отдельное крестьянское хозяйство’.

Это название лишено морализаторского начала и на первый взгляд кажется простым. Но в контексте произведения понятие двор расширяет свои границы, приобретая метафорическое значение, – это особый мир, космос Матрены, с ее отличным от окружающих отношением к жизни, и не на бытовом уровне, а на этическом. Она и подобные ей люди – истинные хранители исконных ценностей жизни.

Изложенному не противоречит то, что основная функция диалектизмов в литературных произведениях - создание местного колорита, как это может показать анализ диалектизмов в текстах «Донских рассказов» М. Шолохова.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ДИСКУРСЕ

М.ШОРЛОХОВА

2.1. Понятие дискурса в современной лингвистике

Дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой действительностью не восстанавливаются непосредственно.

Постановка вопроса о динамичности термина «дискурс» в аспекте его семантического варьирования вполне правомерна, так как в последние десятилетия он стал наиболее часто используемым в лингвистической сфере. И не исключено, что этому способствовало отсутствие чёткого и общепризнанного определения дискурса, охватывающего все случаи его употребления. В настоящее время функционально-коммуникативный подход рассматривает дискурс как важнейшую форму повседневной жизненной практики человека и определяет его как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Определение понятия «дискурс» вызывает значительные сложности в силу того, что оно оказалось востребованным в пределах целого ряда научных дисциплин, таких, как лингвистика, антропология, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и некоторые другие. И вполне естественно, что многозначность термина «дис-

курс» и его использование в различных областях гуманитарного знания порождают разные подходы к трактовке значения и сущности данного понятия. Тем не менее можно говорить о том, что благодаря усилиям ученых различных областей теория дискурса оформляется в настоящее время как самостоятельная междисциплинарная область, отражающая общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки.

Ещё до появления современной теории дискурса, которая начала складываться в самостоятельную область науки лишь в середине 60-х годов XX века, существовали попытки дать определение этому термину. Наиболее «старым» значением слово *discours* обладает во французском языке и означает диалогическую речь. Уже в XIX веке этот термин был полисемичен: в Словаре немецкого языка Якоба Вильгельма Грима «*Deutsches Woerterbuch*» 1860 года указаны следующие семантические параметры термина «дискурс»: 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция. Такой подход был характерен в период становления теории дискурса в рамках многочисленных исследований, получивших название лингвистики текста. Это был период, когда лингвистика вышла за рамки исследования изолированного высказывания (предложения) и перешла к анализу синтагматической цепи высказываний, образующих текст, конституирующими свойствами которого являются завершенность, целостность, связность и др. Интерес к изучению текста был обусловлен стремлением рассмотреть язык как цельное средство коммуникации, глубже изучить связи языка с различными сторонами человеческой деятельности, реализуемыми через текст. Интенсивное развитие лингвистики текста как науки о сущности, предпосылках и условиях человеческой коммуникации наметило поворот от лингвистики языка к лингвистике речи, вызвало усиление внимания к акту коммуникации. С самого начала в рамках исследований, изучающих организацию текста связной речи, шла полемика, связанная с терминологическим определением объекта исследования, а также самой области лингвистики, изучающей текст. Первоначально возникший

термин «лингвистика текста» многим ученым представляется не совсем удачным, и в некоторых лингвистических работах текст связной речи называют дискурсом. Полисемичность термина «дискурс» зафиксирована в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [14, с. 467]. Возникновение теории дискурса ознаменовало качественный скачок в развитии науки о языке и поставило перед исследователями сложнейшую задачу – дать лингвистическое описание дискурса. Возникнув в рамках лингвистики текста, теория дискурса никогда не утрачивала связи с ней, но последовательно шла к дифференциации предмета своего исследования, к разграничению понятий «текст» и «дискурс». К примеру, по определению В.Г. Борботько, дискурс есть текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование [3, с. 8]. Борботько подчеркивает тот факт, что текст как языковой материал не всегда представляет собой связную речь, то есть дискурс. Текст – более общее понятие, чем дискурс. Дискурс всегда является текстом, но обратное неверно. Не всякий текст является дискурсом. Дискурс – частный случай текста. В современной лингвистике дискурс трактуется неоднозначно. Можно выделить несколько подходов к определению дискурса. 1. Коммуникативный (функциональный) подход: дискурс как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), либо как диалог, либо как беседа, то есть тип диалогического высказывания, либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции. В рамках коммуникативного подхода термин «дискурс» трактуется как «некая знаковая структу-

ра, которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства)» [10, с. 5]. 2. Структурно-синтаксический подход: дискурс как фрагмент текста, то есть образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац). Под дискурсом понимаются два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи друг с другом, при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса. 3. Структурно-стилистический подход: дискурс как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечётким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой. 4. Социально-прагматический подход: дискурс как текст, погружённый в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, либо как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты. Данная классификация позволяет понять, что природа дискурса тройственна: одна его сторона обращена к прагматике, к типовым ситуациям общения, другая – к процессам, происходящим в сознании участников общения, и к характеристикам их сознания, третья – к собственно тексту. Выделенные подходы отчасти противоречивы. Понятие «дискурс» осмысливается в неразрывной связи с понятиями речь и текст. Дискурс как коммуникативное явление – это промежуточное звено между речью как вербальным общением, как деятельностью, с одной стороны, и конкретным текстом, зафиксированным в ходе общения, с другой. В более простом противопоставлении дискурс следует понимать как когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, со знанием речевого произведения, а текст – как конечный результат процесса речевой деятельности, выливающийся в определённую законченную форму. Такое противопоставление реального говорения его результату приводит к осознанию того, что текст может трактоваться как дискурс только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание вос-

принимающего его индивида. Г. Видоусен предпринял попытку дифференцировать понятия «текст» и «дискурс» путем включения в данную пару категории «ситуация». Так, дискурс рассматривается им как «текст» + «ситуация». Понятие «дискурс» было введено вследствие назревшей в науке потребности учитывать не только характеристики «текста как такового», исходя из его внутренней специфики, но и текста как «послания», адресованного кому-либо и выражающего какие-то потребности адресата и автора. Французский учёный Э. Бенвенист говорит о дискурсе как о «речи, присваиваемой говорящим»: «дискурс не является простой суммой фраз, при его рождении происходит разрыв с грамматическим строем языка. Дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим» [8, с. 124]. По его мнению, существенной чертой дискурса, понимаемого им в широком смысле, является соотнесение дискурса с конкретными участниками акта коммуникации, то есть говорящим и слушающим, а также с коммуникативным намерением говорящего каким-либо образом воздействовать на слушателя. Структуру разговорного дискурса составляет ряд этапов коммуникативного действия индивида (вступление в речевой контакт, выдвижение инициальной темы разговора и ее ратификация, смена ролей в ходе коммуникативного акта, смена темы разговора, выход из коммуникативного акта), каждый из которых обусловлен комплексом внешних и внутренних факторов. Лингвокоммуникативный аспект дискурса прослеживается в определении Г.А. Орлова, который рассматривает дискурс как категорию (естественной) речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершённого в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции и т. п.) [15, с. 14]. Понятие «дискурс» характеризуется парамет-

рами завершенности, цельности, связности и другими (то есть всеми свойствами текста), оно рассматривается одновременно и как процесс (с учетом воздействия социокультурных, экстралингвистических и коммуникативно-ситуативных факторов), и как результат в виде фиксированного текста. Как видим, дефиниция термина «дискурс» постепенно расширялась и стала включать в себя помимо перечисления основных параметров текста указание на условия, в которых этот текст актуализируется. Здесь уместным будет привести определение дискурса, предложенное В.В. Петровым и Ю.Н. Карауловым. Эта дефиниция аккумулирует воззрения на «дискурс» нидерландского учёного Т.А. Ван Дейка, которому в современном языкознании принадлежит приоритет в описании дискурса: «...дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [6, с. 7]. Необходимо отметить, что это лаконичное определение было в качестве отправного пункта положено в основу многих лингвистических исследований текста современного периода. В.З. Демьянков, основываясь на новых работах по зарубежному языкознанию, дал определение дискурса, которое отражает функциональную природу дискурса и в значительной степени углубляет предыдущие дефиниции: «Discours – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развёртывания дискурса. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и

«не-события», то есть а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [9, с. 7]. Ядром этой дефиниции можно считать положение о том, что дискурс определяется не как величина, адекватная тексту, или даже, как ясно из приведённых выше определений, синонимичная ему, а значительно шире. При социально-прагматическом подходе в центре внимания исследователей находится речевое действие, участниками которого являются некоторые типы языковых личностей, оказавшиеся в рамках определённых обстоятельств и условий общения. Понимание дискурса как социального явления восходит к исследованиям французских структуралистов и постструктуралистов, прежде всего М. Фуко. В исследовании и обосновании этого термина важную роль сыграли также А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева. В работах этих учёных просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля (в том самом максимально широком значении, которое имеют в виду, говоря «стиль – это человек») и индивидуального языка (ср.: традиционные выражения «стиль Достоевского», «язык Пушкина» или «язык большевизма» с такими более современно звучащими выражениями, как «современный русский политический дискурс» или «дискурс Рональда Рейгана»). Понимаемый таким образом термин «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», использовавшийся Фуко) описывает способ говорения и обязательно имеет определение – какой или чей дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами (в той мере, в какой они могут быть отчетливо идентифицированы), стилистической спецификой (во многом определяемой количественными тенденциями в использовании языковых средств), а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т. д. Более того, предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также

соответствующие ей социальные институты. Итак, для французской школы дискурс – прежде всего определённый тип высказывания, присущий определённой социально-политической группе или эпохе. У Т.А. Ван Дейка также есть определение, трактующее дискурс как социальное явление: «Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [5, с. 47]. Термин «дискурс» широко использовал в своих работах известный немецкий философ Ю. Хабермас. В его работах дискурс – вид речевой коммуникации, обусловленный критическим рассмотрением ценностей и норм социальной жизни.

Интересна точка зрения Ю.С. Степанова, связывающего дискурс с понятиями альтернативного мира, факта и причинности. Степанов также даёт широкую лингвофилософскую трактовку дискурса как «языка в языке», представленного в виде особой социальной данности. При этом дискурс не может быть сведён к стилю, грамматике или лексикону как просто язык. Он «существует, прежде всего, и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир» [22, с. 45]. Хотя Степанов также говорит о существовании дискурса в текстах, его видение дискурса как особого, возможного мира выводит дискурс далеко за рамки текста. Таким образом, резюмируя вышеприведённые определения понятия «дискурс», можно утверждать, что данный термин, как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Некоторые исследователи трактуют дискурс как включающий одновременно

два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (то есть текст); именно такое понимание является предпочтительным.

2.2. Функция лексических диалектизмов в «Донских рассказах» М. Шолохова

Наверное, нет в русской литературе XX в. другого писателя, чья популярность сравнилась бы с мировым признанием автора "Тихого Дона". О нем, Художнике с большой буквы, восторженно отзывались Р.Роллан и Э.Хемингуэй, Д.Линдсей и К.Причард. "Его дар художника, - писал Марти Ларни,- можно, собственно, определить как любовь к суетному и милому земному странствию человека, с его самосознанием и страстями, с его радостью и горем, чувственной любовью, честолюбием и гордостью. Его увлекает зрелище жизни во всей его мощи и полноте. Передавая самые потрясающие картины, его голос рассказчика не дрогнет. Он сохраняет удивительное равновесие, твердость и как бы беспристрастную объективность. Он принимает действительность без условий и оговорок. Человек у него - это человек, правда - всегда только правда. Именно в этом... объяснение огромной притягательной силы его произведений".

В "Донских рассказах" М.Шолохова (к этому циклу мы относим все его рассказы 20-х годов, а не только одноименный сборник) нет откровенной поэтизации подвига, нет романтических красок, поэтических реквиемов, сопровождающих уходящую жизнь героев революции в романтических повестях Б.Иванова, Б.Лавренева. У Шолохова "безобразно просто" умирали люди, а его замечание о том, что ковыль ("седой ковыль - любимый образ романтиков") - всего лишь "поганая белобрысая трава без всякого запаха" как будто развеяло все иллюзии, не оставляя места романтическому пересозданию действительности. Герои "Донских рассказов" не предаются возвышен-

ным раздумьям, они говорят о своем - порой будничном и совсем непоэтичном. Такова жизнь, но именно такая она прекрасна для Шолохова; последний мог бы повторить слова Л.Толстого "Герой же моей повести..., который всегда был, есть и будет прекрасен - правда". Контрасты в его рассказах служат не эмоциональному раскрытию идеального начала, как у романтиков, а воссоздают реальные жизненные конфликты, через которые познается социальный разлом в среде донского казачества. Формой выражения социального у Шолохова часто становится внутрисемейный конфликт.

В "Донских рассказах" нет сомневающихся, рефлектирующих героев, нет героев, избирающих "третий путь" или позицию "над схваткой". Шолоховские сюжеты непосредственно посвящены фронту, который проходил почти через каждую семью независимо от ее действительных убеждений. Показать объективным развитием действия кошмар братоубийственной борьбы - уже было проявлением гуманизма. Между тем, как обвинение автору "Донских рассказов" предъявлены "психоз ненависти", "романтика расстрелов", нравственная "глухота", возведение в культ насилия, идеализация методов насилия "во имя высшей правды". Но так ли это? Даже если согласиться с тем, что Шолохов осуждает насилие только со стороны "врага", это осуждение перерастает в общечеловеческое осуждение отце-сыно-братоубийства.

Основная функция диалектизмов в «Донских рассказах» - создание местного колорита.

Обратимся к рассказу "Продкомиссар". Рассказ М.Шолохова "Продкомиссар" долгие годы оценивался с позиций классовости морали: хотя комиссар Бодягин убивает отца, саботирующего продразверстку, но это человек гуманный, заплативший своей жизнью за спасение нищего мальчишки. Особенность авторской позиции Шолохова проявляется в его изображении продразверстки. Не выражая особых симпатий к озлобленному старику-Бодягину, готовому на убийство собственного сына, Шолохов раскрыл трагедию хлебопашца. Приводя слова, "Меня за мое ж добро расстрелять надо, за то, что в

свой амбар не пушаю, - я есть контра, а кто по чужим закромам шарит, энтот при законе? Грабьте, ваша сила", П.Чекалов справедливо пишет: "Слова Бодягина-старшего не только не лишены логики, но и исторической правды. Видимо, поэтому сын и не пытается возражать против того, что их действия квалифицируются как грабительство, он только уточняет, что бедняков они не трогают, а "метут под гребло" (то есть вчистую) у тех, "кто чужим потом наживался".

Бодягин же наживался не только за счет чужого труда, но в первую очередь за счет своего, и потому на обвинение сына: "Ты первый батраков всю жизнь сосал!", он отвечает: "Я сам работал день и ночь", и сомневаться в правдивости этих слов у читателя нет никаких оснований. Но почему-то этот факт совершенно не берется в расчет Игнатом, и он произносит хотя и звучную, но довольно нелогичную фразу: "Кто работал - сочувствует власти рабочих и крестьян, а ты дрекольем встретил... К плетню не пустил... За это и на распыл пойдешь!"

Получается так: раз ты не пустил к собственному амбару, значит, ты не сочувствуешь власти рабочих и крестьян, а раз ты не сочувствуешь - значит, и не работал. Игнат как будто не догадывается, что можно быть работником и при этом не сочувствовать власти, которая отбирает у человека трудом и потом нажитое. И не только известие о том, что он "пойдет на распыл" (об этом он уже знал), но и такой... противоречащий рассудку подход вызывает в Бодягине-старшем негодование: "У старика наружу рвалось хриплое дыхание. Сказал голосом осипшим, словно оборвал тонкую нить, до этого вязавшую их обоих: - Ты мне не сын, я тебе не отец. За такие слова на отца будь трижды проклят, анафема..." (стр. 224).

Важно подчеркнуть, что во всех рассказах, как правило, диалектизмы представлены не только в речи персонажей, но и в речи автора-повествователя. Ср.:

« По хуторам и станицам казаки-посевщики богатыми очкурами покрепче перетянули животы, решили разом и не задумавшись: - Дарма хлеб отдавать?.. Не дадим..» .(«Продкомиссар» стр.222)

*«Это председатель сказал **настоисто** так и выжидательно; а тут сзади поддерживали» (Пастух, 212).*

*«**На-скорях** покрылась Дунятка» (Пастух, 217)*

*«**Накочетился** Михей Нестеров, багровея, орал: - Миру служишь - по-нашему и делай... » (Пастух, 219)*

*«Трое суток, как **набедившийся** волк от овечьей отары, уходят дорогами и целиною бездорожно, а за ним **внизирку** – отряд Николки Кошевого» (Родинка, с. 205)*

Целенаправленное отношение автора к изображаемому проявляется через расположение эпизодов, их внутреннюю связь. Шолоховская боль и ужас перед страшной жестокостью мира превалирует в этом рассказе. Это подчеркнуто и выбором героя, обыкновенного и доброго человека, которого нельзя поставить в один ряд с другими отцеубийцами: ни со Срубовым из "Щепки" В.Я.Зазубрина - профессиональным чекистом, превращенным в орудие террора, что оказалось за пределами его психических возможностей; ни с героем новеллы "Письмо" в "Конармии" И.Бабея Курдюковым - апофеозом тупой животной жестокости. С точки зрения Бабея, и Тимофей Курдюков с его "бесцветными и бессмысленными глазами" и его сыновья - "чудовищно огромные, тупые, широколицые, лупоглазые" - одинаково примитивны. Такая концовка рассказа, посвященная человеческой драме, разумеется, не случайна, а является активным выражением авторского отношения к героям и событиям, которое известный американский славист Э.Симмонс определил как до невероятности жестокою, но в то же время многозначительную беспристрастность (30; 41).

Шолоховское отношение к изображаемому - иное, оно исполнено человеческого сочувствия. Диалектизмы в речи автора-повествователя – явное

свидетельство стремления автора подчеркнуть свою сопричастность и изображаемым событиям, и изображаемым героям – донским казакам.

Заметим, что образ донского казака, труженика и собственника, с его сложным, противоречивым отношением к революции станет художественным открытием Шолохова и будет разрабатываться им в дальнейшем, являя глубинную стихию народной жизни на крутых исторических переломах.

К числу языковых средств, наиболее адекватных этой художественной задаче, относятся лексические диалектизмы.

Так, Гаврила предстает в "Чужой крови" как убежденный противник новой власти, что по канону давало прямую возможность сделать его изувером и убийцей. Но Шолохов начинает рассказ с картины тоскливых дум старика, лишаящих его сна и силы. "Каждую ночь после первых кочетов просыпается дед, сидит, курит, кашляет, с хрипом отрывая от легких мокроту, а в промежутках между приступами удушья думки идут в голове привычной, хоженной стежкой. Об одном думает дед - о сыне, пропавшем в войну без вести". Именно в этом рассказе воссоздал Шолохов романтику былой казачьей жизни, хотя провожают казака "на фронт против красных". Эти страницы опровергают трактовку "Донских рассказов" Р.Медведевым как произведений не о казачестве, а о "комсомольцах, красноармейцах и продотрядниках", а также их трактовку В.Чалмаевым как "антиказачьих". Голос Гаврилы сливается с голосом автора-повествователя, сочувственно описавшего сборы казака на войну: две пары быков отвел Гаврила на рынок, на выручку купил коня строевого: "Не конь - буря степная, летучая. Достал из сундука седло и уздечку дедовскую с серебряным набором". На проводах сказал: "Служи, как отец твой служил, войско казацкое и тихий Дон не страми!" Строки старинной казачьей песни предваряют проникновенное описание отъезда Петра из родного дома: *"Шашку поправил и с седла перегнувшись, горсть земли с родимого база взял. Где-то теперь лежит он, и чья земля на чужбинке греет ему грудь?"*

Яркими являются и речевые характеристики Григория:

« Ну, Петро, справил я тебя, не стыдно и офицеру с такой справой идти...» (Чужая кровь, с. 484)

« Это как же? Рукомесло имел какое, навроде чеботарь али бондарь?» (Чужая кровь, с. 496).

«А там, может, навовсе останешься! - закончил Гаврила»(Чужая кровь, 497)

«Не держу. Поезжай!..- бодрясь, ответил Гаврила.- Старуху обмани... скажи, что возвернешься...» (Чужая кровь, с. 499)

Авторское сострадание горю Гаврилы подчеркнуто повтором приводимых выше слов: "...Думки идут в голове знакомой, хоженной стежкой". Только после того, как старик стал близким читателю, когда сформировалась нравственная оценка происходящего в рассказе, Шолохов раскрывает социальную позицию героя: "Проводил сына, а через месяц пришли красные. Вторглись в исконный казачий быт врагами, жизнь дедову, обычную, вывернули наизнанку, как порожний карман. Был Петро по ту сторону фронта, возле Донца усердием в боях заслуживал урядницкие погоны, а в станице дед Гаврилы на москалей на красных вынашивал, кохал, нянчил - как Петра, белоголового сынишку, когда-то - ненависть стариковскую глухую.

Но все это лишь штрихи, фон для главного - безмерного горя родителей, тщетно ждавших возвращения сына: "Сшили полушубок на Петров рост и положили в сундук. Сапоги расхожие - скотину убирать - ему сготовили... Кажется, будто выйдет сейчас Петр из горницы, улыбнется, спросит: "Ну как, батя, холодно на базу?"" Здесь и галлюцинации старухи-матери, укачивающей, как ребенка, папаху сына, и крик отца, не пожелавшего верить словам очевидца петровой смерти:

" - А ежели я не хочу этому верить?!.- багровея, захрипел Гаврила. Глаза его налились кровью и слезами. Разодрав у ворота рубаху, он голой волосятой грудью шел на оробевшего Прохора, стонал, запрокидывая потную

голову: - *Одного сына убить?! Кормильца?! Петьку мово?!. Бреешь, сукин сын!.. Слышишь ты?! Бреешь! Не верю!..*

А ночью, накинув полушубок, вышел во двор, поскрипывая по снегу валенками, прошел на гумно и стал у скирда.

Из степи дул ветер, порошил снегом; темень, черная и строгая, громоздилась в голых вишневых кустах.

- Сынок!- позвал Гаврила вполголоса. Подождал немного и, не двигаясь, не поворачивая головы, снова позвал: - Петро!.. Сыночек!..

Потом лег плашмя на притоптанный возле скирда снег и тяжело закрыл глаза".

В проникновенной доверительности и этих строк, несомненно, угадывается будущий автор "Тихого Дона".

Чувства деда Гаврилы в начале рассказа - это всепоглощающая ненависть к красным, отнявшим у него сына: "Была обида горькая, как полынь в цветущем... Обида росла в душе, лопушилась, со злобой родниться начала". На эти чувства наслаиваются другие: испуг, смешанный с отвращением при виде дикой расправы с продотрядниками. И глядя на убитых, "уже не ощутил Гаврила в дрогнувшем от ужаса сердце той злобы, что гнездилась там с утра... Нагнулся Гаврила над белокурым, вглядываясь в почерневшее лицо, и дрогнул от жалости: лежал перед ним мальчишка лет девятнадцати, а не сердитый, с колючими глазами продкомиссар". И вот уже долгими ночами пристально вглядывается Гаврила в черты незнакомого лица, вслушивается в бессвязные бредовые слова: "Слезы закипали у Гаврилы в груди. В такие минуты жалость приходила непрощеная", поэтому отвечает он твердо на просьбу командира побережья Николая. Шолохов не дает повода упрекнуть Гаврилу в забвении памяти Петра. Картины искреннего и отчаянного отцовского горя, занимающие первую половину рассказа, как раз подчеркивают всю значительность совершающегося душевного перелома: "... С ужасом чувствовал Гаврила, что кровно привязывается к новому Петру, а образ первого, родно-

го, меркнет, тускнеет, как отблеск заходящего солнца на слюдовом оконце хаты. Силился вернуть прежнюю тоску и боль, но прежнее уходило все дальше, и ощущал от этого Гаврила стыд и неловкость..."

Но это чувство растворялось в беспокойно ищущем взгляде старика, во вновь обретенных отцовских заботах. Поэтому так остро воспринимает он слово "отец": "...Густо побагровел, закашлялся, и, скрывая смущенную радость, пробормотал..." Писатель не скрывает трудностей восхождения Гаврилы на вершину человечности. Трудно было старику спрашивать молодого командира о его партийности, страшным было сознание, что не станет Николай своим: " Гаврила с деланной веселостью подмигнул, но дрогнувшие губы покривились жалкой улыбкой".

Шолохов далек от сентиментального умиляющего финала. "Петро упорно глядел под ноги в выщербленный пол... сухо выстукивал по лавке... обдумывал ответ". Да ведь и раньше автор не склонен был выдавать установившиеся родственные отношения за решение проблемы: "...Баюкала ли, жите ли привольное сулила... не знаю",- говорит автор о "радостной замурлыкавшей" материнской прялке, когда старуха узнает о согласии Петра пожить у них. В этом "не знаю" (редкий случай авторского вмешательства у Шолохова) недвусмысленный намек на непредсказуемую сложность жизни.

Почему Шолохов кончает рассказ картиной расставания стариков с обретенным сыном? Можно ли объяснить это только желанием писателя не давать легкого разрешения конфликтов, ибо жизнь сложна и сурова? Да, и это, несомненно, играло роль. Но такая концовка необходима еще и потому, что сильнее подчеркивает высокую человечность, возвышенный строй чувств Гаврилы, ибо его любовь к Петру уже полностью освобождена от естественных, но в какой-то мере эгоистических расчетов и желаний. И дело не только в том, что Гаврила оказался способным усыновить чужого парня (представим себе, что на месте Николая оказался человек других убеждений), а в том, что он сердцем принял человека иного мира, и это новое чувство вытеснило ста-

рую ненависть. Узнав о том, что рухнули его мечты ("Лишь бы уважал нашу старость да перед смертью в куске не отказывал"), Гаврила невольно чувствовал "нарастающую злобу к письму, изломавшему привычный покой". Но он сумел понять, и в этой внутренней душевной борьбе победил Человек, и кто знает, какое из испытаний, выпавших на долю Гаврилы, было значительнее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексический диалектизм – это слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка.

В специфической лексике говоров можно наметить следующие структурные виды лексических различий:

1. Собственно-лексические диалектизмы. Местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или производные от корней, представленных в литературном языке, имеющие в говорах свои особые значения: *векша* (*белка – пск.*), *лони* (*в прошлом году – арх.*).

2. Лексико-словообразовательные диалектизмы. Слова, отличающиеся от соответствующих им эквивалентов литературного языка своим морфологическим составом; слова с теми же корнями и имеющие те же лексические значения, что и в литературном языке, но с другими аффиксами: *одиново* (*однажды – арх.*), *вызрыдью* (*навзрыд – пск.*).

3. Фонематические диалектизмы. Слова, совпадающие по значению с соответствующими словами литературного языка и отличающиеся от них одной фонемой, причем эти фонематические различия не связаны с существующими в современных говорах фонетическими и морфологическими закономерностями; в этих словах произошла лексикализация какого-либо фонетического явления: *аржаной* (*ржаной*), *вышня* (*вишня*), *пахмурный* (*пасмурный*), *комарь* (*комар*), *андюк* (*индюк*) и др.

4. Семантические диалектизмы. Слова, которые имеют одинаковый морфемный состав с соответствующими словами литературного языка, но отличаются от них своими значениями. По-другому, здесь имеет место явление омонимии: *пахать* (в значении *мести пол*), *залиться* (в значении *утохнуть*) и т.п.

Употребление лексических диалектизмов в художественной речи - явление достаточно типичное для русской литературы. Различаются, с одной стороны, «цитатное» употребление диалектизмов, когда они присутствуют в контексте как иностилевой элемент, и, с другой стороны, использование их на равных правах с лексикой литературного языка, с которой диалектизмы стилистически должны слиться.

Диалектное слово в литературе может быть средством речевой индивидуализации героев, этнографически достоверного описания быта, пейзажа, способом внесения экспрессивной окраски и лирического начала в текст. Однако в дискурсе М. Шолохова, народно-разговорная речь становится непосредственным носителем нравственного идеала.

Дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой действительностью не восстанавливаются непосредственно.

Нами был произведен анализ лексических диалектизмов в «Донских рассказах» М. Шолохова (рассказы «Родинка», «Продкомиссар», «Пастух», «Чужая кровь»). В результате сплошной выборки на карточки нами было занесено 66 слов. Из этого числа:

- 33 слова являются собственно-лексическими диалектизмами;
- 26 слов являются лексико-словообразовательными диалектизмами;
- 7 слов являются лексико-фонематическими диалектизмами.

В целом, как показывает анализ, роль диалектизмов в «Донских рассказах» весьма значительна, хотя автор отнюдь не злоупотребляет ими. Подав-

ляющее большинство диалектных слов и выражений представлено именно в речи автора-повествователя и способствуют созданию местного колорита, а также подчеркивают сопричастность автора описываемым событиям и его глубокое сочувствие героям. В устах героев Шолохова диалектизмы относительно редки и соседствуют с общерусским просторечием. Более того, они часто относятся к разрядам лексико-фонематических и лексико-словообразовательных диалектизмов и, следовательно, общепонятны. Это позволяет сделать вывод о том, что они – не более чем средство стилизации под диалектную речь, но при этом являются одной из ярчайших особенностей поэтики Шолохова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Труды Президента Республики Узбекистан

1. Мирзиёев Шавкат Миромонович. Мы все вместе построим свободное, демократическое и процветающее государство Узбекистан. Выступление на торжественной церемонии вступления в должность Президента Республики Узбекистан на совместном заседании палат Олий Мажлиса / Ш.М. Мирзиёев. – Ташкент : Ўзбекистон, 2016. - 56 с.
2. Мирзиёев Шавкат Миромонович. Критический анализ, жесткая дисциплина и персональная ответственность должны стать повседневной нормой в деятельности каждого руководителя. Доклад на расширенном заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2016 году и важнейшем приоритетном направлении экономической программы на 2017 год. / Ш.М. Мирзиёев. – Ташкент: Ўзбекистон, 2017. - 104 с.

Книги, монографии, статьи, учебники

1. Абрамов Ф.А. Пряслины. М., 1974;
2. Афанасьев А.Н. Религиозно-языческое значение избы славянина // Народ-художник. М., 1986.
3. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. – Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 113 с.
4. Валгина Н.С. и др. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1987.
5. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. – Л., 1998. – 384 с.
6. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

7. Гавриш Т. Дело прошлое, пуцай нас Бог судит Донские рассказы М.А.Шолохова. // Литература в школе, 2000. - 7.
8. Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 124–136.
9. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.
10. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5–19.
11. Кургинян М. Концепция человека в творчестве Шолохова. Нравственный аспект характеристики персонажа Шолохова - Михаил Шолохов. Статьи и исследования. / Под ред. Л. Скворцовой. - М.: Худож. лит., 1985.
12. Лекант П.А. Современный русский литературный язык. – М.: Высшая школа, 1982.
13. Минакова А.М. Поэтический космос М.А.Шолохова. О мифологизме в эпике Шолохова. - М., 1992
14. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. – М.: Прогресс, 1978. – 480 с.
15. Орлов Г.А. Современная английская речь. – М.: Высш. шк., 1991. – 240 с.
16. Розенталь Д.Э. Современный русский язык часть 1. – М.: Высшая школа, 1976.
17. Русская диалектология. Под ред. В.В. Колесова. М. 1990.
18. Русская диалектология. Под ред. Н.А. Мещерского.
19. Русская диалектология. Под ред. П.С. Кузнецова. М. 1973.

- 20.Словарь современного русского народного говора / Сост.: Г.А. Барина, Т.С. Коготкова, Е.А. Некрасова и др. – М.: Наука, 1969.
- 21.Солженицын А.И. Рассказы. М.: Центр «Новый мир», 1990.
- 22.Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35–73.
- 23.Чалмаев В. "Донские рассказы": к общечеловеческим идеалам через психоз ненависти// Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе. Ч. 2. - М, 1994.
- 24.Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык: Учебн. для пед. институтов– 2-е изд., исп. и доп. – М.: Просвещение, 1987.
- 25.Шолохов М. Собрание сочинений в 8 томах: Том 7. - М.: 1984.
- 26.Язык русской деревни. Школьный диалектологический атлас / Пособие для общеобразовательных учреждений. (Авторы: И.А. Букринская, Н.Л. Голубева, О.Е. Кармакова, С.Л. Николаев, С.Г. Саркисян), М., 1994.

Интернет-ресурсы

<http://www.philology.ru/> — Русский филологический портал
<http://www.gramma.ru/> — Культура письменной речи

ПРИЛОЖЕНИЕ

Диалектизмы в «Донских рассказах» М. Шолохова

Карточка № 1		«Родинка» стр. 203
Помнит, будто в полусне, когда ему было лет пять-шесть, сажал его отец на коня своего служивского.		
1	диалектизм	служивский
2	толкование	служебный
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 2		«Родинка» стр. 203
- За гриву держись, сынок! - кричал он, а мать из дверей стряпки улыбалась Николке		
1	диалектизм	стряпка
2	толкование	летняя кухня
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 3		«Родинка» стр. 204
Николка ощерил зубы кипенные, нырнул и, отфыркиваясь, крикнул из воды: - Бреешь ты, чудак!		
1	диалектизм	кипенный
2	толкование	кипельный, т.е. белый
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 4		«Родинка» стр. 204
Слышно, как в сарае уговаривает хозяйка корову стоять спокойно, телок мычит требовательно и басовито, а о стенки цибарки вызванивают струи молока.		
1	диалектизм	цибарка
2	толкование	подойник
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 5		«Родинка» стр. 205
Трое суток, как набедившийся волк от овечьей отары, уходят дорогами и целиною бездорожно, а за ним вназирку – отряд Николки Кошевого.		
1	диалектизм	набедившийся
2	толкование	набедокуривший
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 6		«Родинка» стр. 205
Трое суток, как набедившийся волк от овечьей отары, уходят дорогами и целиною бездорожно, а за ним вназирку – отряд Николки Кошевого.		
1	диалектизм	вназирку
2	толкование	вдогонку, следом
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 7		«Родинка» стр. 206
Это перед покосом, когда у ядреной пшеницы-гарновки ус чернеет на колосе, будто у семнадцатилетнего парня, а жито дует вверх и норовит человека перераста.		
1	диалектизм	гарновка
2	толкование	красавица (о нодушевленных предметах)
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 8		«Родинка» стр. 206
... а на гербе казаков Области Войска Донского, должно, недаром изображен был пьяный казак, телешом сидящий на бочке винной.		
1	диалектизм	телешом
2	толкование	т.е. с голым торсом
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 9	«Родинка» стр. 206	
Зачерствела душа у него, кан летом в жарынь черствеуют следы раздвоенных бычачьих копыт возле музги		
1	диалектизм	музга
2	толкование	озерко, болотце
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 11		
А пьет - дня трезвым не бывает потому, что пахуче и сладко цветет жито в степях донских, опрокинутых под солнцем жадной черноземной утробой, и смуглощекие жалмерки до хуторам и станицам такой самогон вываривают, что с водой родниковой текучей не различить.		
1	диалектизм	жалмерка
2	толкование	солдатка, жена казака, находящегося в военном походе. Также, вдова казака, погибшего на войне.
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 12	«Родинка» стр.207	
На пчельнике прилег отдохнуть Лукич.		
1	диалектизм	пчельник
2	толкование	пасека
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 13	«Родинка» стр.207	
Много перевидал он за смутные года таких вот вооруженных людей, бравших не спрашаючи корм и муку, и всех их огулом, не различая, крепко недолголюбивал.		
1	диалектизм	не спрашаючи
2	толкование	не спрашивая
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 14	«Родинка» стр. 208	
- У тебя на мельнице никто из них не отстал - Нетути,- сказал Лукич коротко в повернулся спиной.		
1	диалектизм	нетути
2	толкование	нет
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 15	«Родинка» стр. 208	
- А в энтот амбаре что? - Хлам, стало быть, разный... Нетути зерна!		
1	диалектизм	энтот
2	толкование	этот
3	тип диал-ма	лексико-фонематический

Карточка № 16	«Родинка» стр.209	
- Родимый, свои это, а я думал - опять супостатники энти...		
1	диалектизм	супостатник
2	толкование	супостат, враг
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 17	«Родинка» стр. 209	
Заробел дюже и спросить побоялся... Мельник я.		
1	диалектизм	дюже
2	толкование	очень
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 18	«Родинка» стр. 209	
- А сейчас они где?		

- Тамотко и есть. Водки с собой навезли, лакают, нечистые, в моей горнице...		
1	диалектизм	тамотко
2	толкование	там
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 19	«Родинка» стр. 210	
- Наметом! - крикнул Николка и, чуя за спиной нарастающий грохот копыт, вытянул своего жеребца плетью.		
1	диалектизм	наметом
2	толкование	галопом
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 20	«Родинка» стр. 210	
"Неук, сосун, горяч, через это и смерть его тут налапает",-обрывками думал атаман и, выждав, когда у того кончилась бойма, поводья пустил и налетел коршуном.		
1	диалектизм	неук
2	толкование	необъезженная лошадь
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 21	«Продкомиссар» стр.222	
По хуторам и станицам казаки-посевщики богатыми очкурами покрепче перетянули животы, решили разом и не задумавшись: - Дарма хлеб отдавать?.. Не дадим...		
1	диалектизм	очкур
2	толкование	кожаный пояс
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 22	«Продкомиссар» стр. 223	
Ударом кулака сшиб с ног Игната, испорол до крова чересседельней.		
1	диалектизм	чересседельня
2	толкование	часть конской сбруи: кожаный ремешок, пропускаемый через седло и обоими концами соединенный с подпругой.
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 23	«Продкомиссар» стр.223	
Поди, сынок, походи по миру, а ума-разума наберешься - назад вертайся,- и ухмыльнулся		
1	диалектизм	вертайся
2	толкование	вернись
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 24	«Продкомиссар» стр.224	
Меня за мое ж добро расстрелять надо, за то, что в свой амбар не пушаю,- я есть контра, а кто по чужим закромам шарит, энтот при законе?		
1	диалектизм	пущать
2	толкование	пускать
3	тип диал-ма	лексико-фонематический

Карточка № 25	«Продкомиссар» стр. 224	
Идут с Хопра казаки вашевскую власть резать		
1	диалектизм	вашевская
2	толкование	ваша
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 27	«Продкомиссар» стр. 224	
Бодягин глянул на сани, ломтями резавшие лиловый снег сбочь дороги, сказал придушенно: - Не серчай, батя...		
1	диалектизм	сбочь
2	толкование	сбоку

3	тип диал-ма	лексико-фонематический
---	-------------	------------------------

Карточка № 28		«Продкомиссар» стр. 225
На горе через впалюю лысину кургана, понатужась, перевалили двое конных.		
1	диалектизм	понатужась
2	толкование	поднатужившись
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 29		«Продкомиссар» стр.225
Лошадей прижеливали.		
1	диалектизм	прижеливать
2	толкование	слегка жалеть
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 30		«Пастух» стр.212
Мы, исполком, предлагаем нанять Фролова Григория. Нашевский он рожак, сирота...		
1	диалектизм	нашевский
2	толкование	наш
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 31		«Пастух» стр.212
Мы, исполком, предлагаем нанять Фролова Григория. Нашевский он рожак, сирота...		
1	диалектизм	рожак
2	толкование	уроженец
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 32		«Пастух» стр.212
- Времена none не те, воровство везде огромное...-		
1	диалектизм	none
2	толкование	нынче, сегодня
3	тип диал-ма	лексико-фонематический

Карточка № 33		«Пастух» стр.212
- Времена none не те, воровство везде огромное...-		
1	диалектизм	огромное
2	толкование	громное
3	тип диал-ма	лексико-фонематический

Карточка № 34		«Пастух» стр. 212
Это председатель сказал настоисто так и выжидательно; а тут сзади поддерживали		
1	диалектизм	настоисто
2	толкование	настойчиво
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 35		«Пастух» стр. 212
С молитвой надо, а не абы как...		
1	диалектизм	абы как
2	толкование	как-нибудь, кое-как
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 36		«Пастух» стр.213
Спокойно идет табун обочь дороги, рассыпавшись пятнистой валкой.		
1	диалектизм	обочь
2	толкование	сбоку
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 37		«Пастух» стр.213
- А денег откель возьмем... ехать-то?		
1	диалектизм	откель
2	толкование	откуда
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 38		«Пастух» стр.213
К вечеру, перед закатом солнца, подогнали табун к базу.		
1	диалектизм	баз
2	толкование	двор
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 39		«Пастух» стр.214
Может, отгеть какими способами поедешь учиться...		
1	диалектизм	отгеть
2	толкование	оттуда
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 40		«Пастух» стр.214
Гришакина телка захворала. Надо бы хозяину переказать...		
1	диалектизм	переказать
2	толкование	рассказать, сообщить
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 41		«Пастух» стр.214
Тут если пожить лето, так и гутарить разучишься...		
1	диалектизм	гутарить
2	толкование	говорить
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 42		«Пастух» стр.217
На-скорях покрылась Дунятка.		
1	диалектизм	на-скорях
2	толкование	скоро, быстро
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 43		«Пастух» стр.218
Гришка не догадывался до тех пор, пока ночью не проснулся от собачьего бреха.		
1	диалектизм	брех
2	толкование	лай
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 44		«Пастух» стр.218
Поутру приехали Игнат-мельник и Михей Нестеров. Григорий в шалаше чирики латал		
1	диалектизм	чирики
2	толкование	кожаные башмаки
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 45		«Пастух» стр.219
Накочетился Михей Нестеров, багровея, орал: - Миру служишь - по-нашему и делай...		
1	диалектизм	накочетиться
2	толкование	напетушиться, изготвится к драке (от кочет - петух)
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 46		«Чужая кровь» стр.483
Каждую ночь после первых кочетов просыпается дед, сидит, курит, кашляет...		
1	диалектизм	кочет

2	толкование	петух
3	тип диал-ма	собственно-лексический
Карточка № 47		«Чужая кровь» стр.484
- Ну, Петро, справил я тебя, не стыдно и офицеру с такой справой идтить...		
1	диалектизм	справить
2	толкование	снабдить амуницией
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 48		«Чужая кровь» стр.484
- Ну, Петро, справил я тебя, не стыдно и офицеру с такой справой идтить...		
1	диалектизм	справа
2	толкование	казацье воинское обмундирование
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 50		«Чужая кровь» стр.485
Пропал сын - некому стало наживать. Рушились сараи, ломала скотина базы, гнили стропила раскрытого бурей катуха.		
1	диалектизм	катух
2	толкование	хозяйственная постройка, амбар для сельскохозяйственного инвентаря
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 51		«Чужая кровь» стр.486
В этот день замерзли на Дону окраинцы.		
1	диалектизм	окраинцы
2	толкование	прибрежная полоса воды
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 52		«Чужая кровь» стр.487
Прохора не застал дома: уехал на хутор к брату, обещал вернуться к завтрему.		
1	диалектизм	к завтрему
2	толкование	к завтрашнему дню
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 53		«Чужая кровь» стр.487
Утро - бледная немочь - точит с сизого восхода чахлый рассвет.		
1	диалектизм	немочь
2	толкование	немоощь, недомогание
3	тип диал-ма	лексико-фонематический

Карточка № 54		«Чужая кровь» стр.487
Месяц зазоревал посреди неба, сил не хватило дошагать до тучки, на день прихорониться.		
1	диалектизм	зазоревать
2	толкование	заночевать
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 55		«Чужая кровь» стр.487
Месяц зазоревал посреди неба, сил не хватило дошагать до тучки, на день прихорониться.		
1	диалектизм	прихорониться
2	толкование	спрятаться
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 56		«Чужая кровь» стр.492
Неподалеку от скирда на снегу, притрушенном объедьями и половой, лежали раздетые до белья прототрядники, все трое в ряд.		
1	диалектизм	объедья
2	толкование	объедки
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный
Карточка № 57		«Чужая кровь» стр.495

- Сама знаю! Я ить надьсь достала.		
1	диалектизм	надьсь
2	толкование	недавно
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 58	«Чужая кровь» стр.495	
Расторопная весна уже турсучила Дон.		
1	диалектизм	турсучить
2	толкование	беспокоить, тормошить
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 59	«Чужая кровь» стр.496	
Гаврила поддерживал его сзади, а старуха томашилась возле крыльца, утирая завеской привычные слезы.		
1	диалектизм	томашиться
2	толкование	суетиться
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 60	«Чужая кровь» стр.496	
Гаврила поддерживал его сзади, а старуха томашилась возле крыльца, утирая завеской привычные слезы.		
1	диалектизм	завеска
2	толкование	зананвеска
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 61	«Чужая кровь» стр.496	
- Это как же? Рукомесло имел какое, навроде чеботарь али бондарь?		
1	диалектизм	Рукомесло
2	толкование	ремесло
3	тип диал-ма	собственно-лексический

Карточка № 62	«Чужая кровь» стр.496	
- Это как же? Рукомесло имел какое, навроде чеботарь али бондарь?		
1	диалектизм	навроде
2	толкование	вроде
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 63	«Чужая кровь» стр.496	
- Это как же? Рукомесло имел какое, навроде чеботарь али бондарь?		
1	диалектизм	али
2	толкование	или
3	тип диал-ма	лексико-фонематический

Карточка № 64	«Чужая кровь» стр.497	
- А там, может, наовсе останешься! - закончил Гаврила.		
1	диалектизм	наовсе
2	толкование	вовсе, совсем
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 65	«Чужая кровь» стр. 499	
- Всчет чего же пишут?		
1	диалектизм	всчет
2	толкование	насчет
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный

Карточка № 66	«Чужая кровь» стр.499	
- Не держу. Поезжай!..- бодрясь, ответил Гаврила.- Старуху обмани... скажи, что возвернешься...		
1	диалектизм	возвернуться
2	толкование	вернуться
3	тип диал-ма	лексико-словообразовательный